

Подойдя к стоянке, Бай Юньфэн не выдержал и спросил брата:

— Ну как? Есть зацепки по Брату Бао?

Бай Юньмин лишь качнул головой:

— Он не убийца.

— Вот как?

— Убийцы не выставляют снимки своих жертв напоказ, чтобы любоваться ими на досуге. Подобное свойственно лишь законченным извращенцам. А Брат Бао — человек со статусом, он занимается любимым делом, его индекс счастья довольно высок. Такие люди редко оказываются психически ненормальными, — проанализировал ситуацию Юньмин.

Он вспомнил слова механика об Обезьяне:

— Если дело в неисправности машины, то в ту ночь у Хоу-цзы было предостаточно времени. Он припарковался аккурат рядом с «Хаммером», а когда мы начали заезд, в гонке не участвовал. Сейчас это кажется крайне подозрительным.

Он мельком взглянул на Линь И, который шел рядом, погруженный в свои мысли. В ту ночь они были неразлучны, так что парень наверняка заметил те же странности.

Но Линь И вдруг обратился к Юньфэну:

— Офицер Бай, мне вот что интересно: если смерть Сестры У признают убийством, как сильно это ударит по мне?

— В таком случае, пока подозрения не будут сняты или пока не поймают настоящего киллера, вы как основные свидетели — и подозреваемые — не имеете права покидать Пекин. И обязаны являться по первому же вызову, — ответил полицейский.

— Понятно, — Линь И, понутив голову, забрался на заднее сиденье патрульной машины.

Юньмин, видя, что парень явно избегает его общества, сел впереди. Когда они тронулись, он сказал брату:

— Сначала подбрось меня до больницы. Провозились всё утро, пришлось перенести все записи

на вторую половину дня. Боюсь, сегодня я и пообедать не успею.

— Не забудь, что вечером ты должен быть дома, — напомнил Юньфэн. — У отца день рождения.

— Помню, — Юньмин невольно поморщился при мысли о встрече с родителем. — Постараюсь освободиться пораньше.

— Что ты ему купил?

Юньмин замялся:

— Да у него и так всё есть. Что ни купи — ему вечно не нравится. Так что я решил вообще не заморачиваться.

— Так я и знал, — Юньфэн кивнул на заднее сиденье. — Линь И, передай, пожалуйста, тот пакет.

Парень протянул синий бумажный пакет с логотипом Оптики «Гуанмин». Юньфэн вручил его брату.

— Это очки для чтения. На днях старик уронил свои и отколол край линзы. Считай, что это подарок от тебя.

Юньмин долго рассматривал пакет, прежде чем спросить:

— А когда отец начал носить очки для чтения?

Юньфэн лишь промолчал, выразительно закатив глаза.

Рабочий день Бай Юньмина пролетел незаметно. На самом деле, больница, в которой он работал, не была специализированным психиатрическим стационаром, так что отделение психиатрии считалось здесь едва ли не самым тихим местом.

Казалось бы, зачем доктору наук, вернувшемуся из Великобритании, прозябать здесь вместо того, чтобы блистать в крупном институте? Ответ был прост: директором этой больницы был его отец. И работа здесь была «нижним пределом» компромисса, на который старик согласился.

Бай Вэйго, заслуженный директор и авторитет в области нейрохирургии, мечтал, чтобы сын пошел по его стопам. И Юньмин до поры до времени надежды оправдывал. Ровно до того дня, когда он признался отцу в своей гомосексуальности. Для старого директора это стало ударом, едва не сокрушившим его мир.

Казалось бы, врач до мозга костей, Вэйго должен был отнестись к этому философски, но принять собственного сына таким он не смог. Юньмин был его единственной родной кровью. Бай Юньфэн не был биологическим сыном директора — он был сиротой, которого жена Бай Вэйго, старшая медсестра, спасла ценой собственной жизни во время спасательной операции.

Потеряв любимую жену и столкнувшись с тем, что единственный сын собирается строить жизнь с мужчиной, Бай Вэйго зашел в тупик. Отношения отца и сына превратились в руины. Именно тогда Юньмин совершил свой первый открытый бунт: он отказался от нейрохирургии и ушел в психиатрию. Планы Бай Вэйго на блестящее будущее сына окончательно рассыпались, и с тех пор их общение напоминало непримиримое противостояние льда и пламени.

Юньмин с синим пакетом в руках нажал на кнопку звонка их семейной виллы. Иронично: будучи частью этой семьи, он даже не имел собственного ключа.

Дверь открыла незнакомая домработница.

— Вам кого? — подозрительно спросила она.

— Я Бай Юньмин, старший сын директора, — со вздохом пояснил он.

Женщина окинула его недоверчивым взглядом. К Директору Баю часто пытались навязаться с подарками без приглашения, но поразительное сходство гостя с хозяином дома стало лучшим пропуском. Она поспешно пустила его и побежала звать главу семейства.

Бай Вэйго вышел навстречу. Увидев сына, он коротким кивком подтвердил домработнице его личность и жестом велел той возвращаться к делам. Сам директор был одет по-домашнему, но весьма официально: даже для семейного праздника он не поленился безупречно завязать галстук.

Юньмин шагнул в холл и протянул пакет:

— С днем рождения.

Старик мазнул взглядом по подарку и немного смягчился.

— Проходи, — бросил он и скрылся в глубине дома.

Обстановка в гостиной почти не изменилась. Бай Вэйго был консерватором до мозга костей, что, пожалуй, и объясняло, почему за столько лет он так и не женился во второй раз.

На столе уже дымился ужин. Меню было предсказуемым до зубовного скрежета: красная свинина, креветки в масле, свинина в кисло-сладком соусе, тушенная корейка с картофелем, жареная рыба и битые огурцы. Почти всё — любимые блюда Юньфэна.

Игнорируя сына, старик уселся перед чайным набором и принялся за церемонию. Юньмин положил пакет на столик и придвинул себе стул.

— Что-то тебя в больнице последнее время не видно, — не поднимая глаз, начал отец. — Чем занят?

— Юньфэну в управлении понадобилась помощь, так что я взял отгулы.

— Нечего тебе соваться в дела брата, — отрезал Бай Вэйго. — Твой ровесник Чжан Бин из кардиохирургии вчера уже провел самостоятельную операцию. А ты? Вечно таскаешься за братом, работаешь через пень-колоду. Никакого стремления к росту.

Наблюдая за тем, как чужие сыновья делают карьеру, пока его собственный «прожигает жизнь», старый директор ощущал лишь горькое разочарование. Юньмин же в грош не ставил успехи Чжан Бина — этого трудоголика с лицом, напоминающим лунную поверхность из-за вечных прыщей.

— Если человек живет только ради работы, у него начинаются серьезные проблемы с психикой, а тело переходит в состояние предболезни, — фыркнул Юньмин.

— Чепуха! — старик с силой поставил чашку на стол. — Что для мужчины может быть важнее карьеры? Ты думаешь, молодость вечна? Не наступит ли момент, когда ты в старости пожалеешь о впустую потраченных годах.

— Уж поверьте, я жалеть не буду. Скорее это ждет Чжан Бина: в молодости не видел жизни, изводил себя, а к старости поймет, что кроме работы и вспомнить-то нечего. И в этот самый момент — бац! — и помрет.

— И что же в твоём понимании «смысл жизни»? Пьянки да гулянки?

— Смыслов много, и умение наслаждаться жизнью — один из них. Пап, вы ведь за все свои годы так ни разу и не позволили себе просто отдохнуть, верно? — в голосе Юньмина засквозила неприкрытая ирония.

— Мерзавец! — старик взорвался.

Он с такой силой хлопнул ладонью по массивному столу, что чашки подпрыгнули. Домработница высунулась из кухни, испуганная — она никогда не видела хозяина в таком бешенстве.

Бай Вэйго ткнул пальцем в сторону сына:

— Наслаждаться жизнью?! Для тебя это значит погрязнуть в своей мерзости и непотребстве! И ты еще смеешь учить меня, отца?! Твои слова пачкают мой слух!

Разговор, как и всегда, неумолимо скатился к запретной теме. Юньмин еще в машине давал себе установку: не сорваться, проявить терпение, ведь у отца праздник. Но стоило столкнуться с этим презрением к его природе, как вся выдержка испарилась.

— Брезгуете мной? — Юньмин тоже вскочил с места. — Но я таким родился. А это значит, что с вероятностью в пятьдесят процентов — это наследственность! Вам бы самому заглянуть в психиатрию, обследоваться. Вдруг за годы подавления там уже патология развилась!

Они были истинными отцом и сыном: в гневе оба разили по самым больным местам. Старик побелел и, привыкший повелевать всей больницей, посмотрел на него с яростью:

— Только попробуй повторить это еще раз!

Юньмин уже набрал воздуха, чтобы выдать новую порцию желчи, как вдруг дверь распахнулась. В дом, словно вихрь, ворвался Бай Юньфэн.

<http://bllate.org/book/17577/1711477>